

The background of the cover is a classical painting. It depicts a large, multi-towered stone castle in various states of ruin. The towers are weathered, with some missing sections of masonry. A dark, gnarled tree stands in the foreground between the towers. To the right, a body of water reflects the scene, and a small figure of a person is visible on the distant shore. The sky is filled with heavy, dark, and textured clouds, suggesting a dramatic or stormy atmosphere. The overall color palette is muted, with earthy tones of brown, grey, and blue.

Екатерина Кравцова

Игра
воображения

Екатерина Кравцова

Игра воображения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42647531
ISBN 9785449686190

Аннотация

Это история о попаданке в прошлое. О тайнах и загадках Галантного века. И о любви, настигшей героиню так не вовремя и так неотвратимо.

Содержание

Вместо пролога	5
1. VIP – ХУШ	7
2. Люди на стоящее дело	17
3. В маленьком цветнике безумия	34
4. Разведка боем	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Игра воображения

Екатерина Кравцова

*«Возможно ли, есть ли хоть малая вероятность
в том, что, вообразая действительность, мы
каким-то образом ее преобразуем?»*

Г. Хайденрайх «Собирательница камней»

© Екатерина Кравцова, 2019

ISBN 978-5-4496-8619-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

Карл сидел на постели, не зная, чем заняться. Впереди был еще один день, до отвращения похожий на другие. Едва проснувшись, мальчик развлекся тем, что заставил горничную дважды открыть и закрыть занавеси, а потом долго болтать рукой в тазике для умывания. Он и сам не понимал, отчего это никто в замке не сопротивляется его желаниям. Но понемногу начал считать всех окружающих людей бесплотными тенями, которых можно заставить делать что угодно.

Правда, лекарь Франц объяснил ему, что разум – божий дар, которым следует пользоваться лишь во благо. И если ему, Карлу, дано больше, чем другим, то подчинять людей своей воле для каприза стыдно и недостойно. Выслушав старика, малыш внутренне с ним согласился, но иногда не мог отказать себе в удовольствии пошалить. Разве не занятно было внушить учителю латыни, что ты только что бойко ответил ему заданный урок, или приказать строгой няньке принести с кухни марципановую булочку? Впрочем, Карл был добрым мальчиком и никогда не делал никому дурного.

Напротив, иногда в своих мечтах Карлу удавалось изменить само мироздание, приказав людям сделаться лучше. Жаль вот только, что приказывать всем людям одновременно мальчик не умел, и это чрезвычайно огорчало его. Одна-

ко он изо всех сил старался не применять во зло своих возможностей.

Вот разве что во время визитов графа фон Вольфа ему всегда хотелось совершить что-нибудь гадкое, и останавливало его всегда одно лишь обстоятельство: стоило графу поглядеть в его сторону, Карл чувствовал, что все его способности тот видит насквозь. В таких случаях малыш неизменно старался как можно быстрее получить разрешение уйти из парадной залы и до отъезда фон Вольфа не высовывал любопытного носа из детской.

Он чувствовал в графе нечто, родственное его собственным талантам, и хотел бы поговорить об этом, но уж слишком опасался человека, о котором ходили такие интересные и такие пугающие слухи. Нянька Герда рассказывала, что древний род графа некогда заключил договор с Сатаной, оттого они так богаты и влиятельны. Однако благочестивым людям лучше не иметь с проклятым семейством никаких дел.

Что до прочих обитателей замка, то они почти всегда оставались в сознании мальчика бесплотными тенями, которые, к тому же, обращали на него так мало внимания! Приказывать им было легко, но неинтересно, и малыш всей душой жаждал встретить кого-нибудь, кто смог бы оценить его талант по достоинству.

1.VIP – ХУШ

– Ты же любишь все необычное, – заключил шеф, – стало быть, тебе и карты в руки.

Я только устало хмыкнула. С момента окончания последней «командировки» миновала неделя, и я все еще просыпалась по ночам в холодном поту при мысли о том, что командировка продолжается. Единственный положительный момент состоял в том, что я почти утратила свойственную мне округлость лица и приобрела взамен стройность и утонченную прозрачность. Одним словом, я сделалась весьма изысканной, возможно, даже немного чересчур, а в процессе отдыха как раз надеялась достичь оптимальных пропорций.

И вот растаяли надежды на отпуск и даже на отсып... Оказывается, шеф именно для меня припас совершенно особенное задание, можно сказать, эксклюзив. И, конечно, очень срочный.

– Восемнадцатый век не моя епархия, – выдала я последний аргумент, – Да и Германия, кстати, тоже.

– Ничего, ничего, – шеф глумливо улыбался, понимая, что деваться мне некуда, – Зато стрессоустойчивость – твоя самая сильная сторона. И на этом обсуждение закрывается. Мы просто не можем упускать такой случай.

– Ну что в нем уж такого экстренного? – вообще-то я просто тянула время.

Было совершенно очевидно, что отбиться мне не удалось. По правде говоря, в истории слишком редко происходило что-либо действительно стоящее и вдобавок годное для вмешательства, чтобы пройти мимо и не воспользоваться шансом. Я снова грустно вздохнула, бросила в карман диск с заданием и отправилась домой.

Двумя часами позже, уже сидя за компьютером и изучая обстановку, я поняла, что случай нам в самом деле попался прелюбопытный.

Говоря коротко, дело было в следующем. В 1738 году в семье одного из немецких князей на свет появился мальчик с необычными способностями. Малыш мало обращал внимания на окружающий мир, не гукал при появлении матери, не улыбался и крайне редко фиксировал на чем-нибудь взгляд. Но уж когда смотрел на кого-либо, человек под взглядом младенца чувствовал непреодолимое желание совершить какое-нибудь действие. То есть, оперируя категориями современности, явно подвергался гипнозу. Как ни абсурдно это звучит, мальчик с рождения обладал явными гипнотическими способностями.

Странностей в поведении малыша, однако, никто не замечал, кроме престарелого семейного лекаря. Старик по мере сил что-то там исследовал и оставил об этом записи... Кстати, это было все, что осталось в истории от нетипичного княжеского отпрыска – как будто еще ребенком тот куда-то исчез. Мне следовало выяснить, что с ним произошло, и пере-

править мальчика в наш институт для подробного изучения.

Прогулка в легкомысленный галантный век выглядела совершенно безмятежной по сравнению с прошлыми моими эскападами, и все же профессиональное чутье, на которое возлагались основные надежды, громко сигнализировало о возможных трудностях. Не так-то прост был этот восемнадцатый век, и он расставил множество ловушек для путешественников, полагающих, что они в полной безопасности. Именно там каждый мог стать кем угодно, примерить на себя любую роль, и обставить любого соперника, играючи и шутя.

Я изрядно повеселилась над «легендой», которую ради этого состряпали наши теоретики. Мне предстояло путешествовать под видом русской аристократки, богачки и прожигательницы жизни.

– Наведешь как можно больше шороху, – благосклонно разрешил мне шеф, – Все равно про эту графиню ни черта нигде не сохранилось.

– Так-таки ничего? – я спрашивала не просто так, поскольку мало могло найтись исторических персонажей, о которых ничего не сумел бы сказать мой замечательный начальник.

На сей раз, он тоже придержал кое-что в рукаве (возможно, по привычке, приобретенной на предыдущей службе – в органах государственной безопасности):

– Ну конечно, конечно, ты меня поймала! Есть, но совсем немного. Предки из татарских князей, чрезвычайно вовремя

принявших православие. О-очень богата, муж был настолько стар, что умер через месяц после свадьбы, и настолько глуп, что оставил этой вертихвостке все деньги, напроць позабыв о детях от первого брака. Схоронив супруга, наша неугомонная мадам сделала ручкой всем претендентам на ее резко возросшее состояние, и укатила в Европу... И ни одна собака не знает, где она закончила свои дни. Можешь резвиться в свое удовольствие – что бы ты ни вытворяла, все равно не погресишь против истины.

– Здорово! – посмеялась я, – А потом опять везде напишут, что от русских одни смуты и неприятности...

Портрет своего аристократического двойника преподнес мне изрядный сюрприз: на мой взгляд, сходство вовсе не было очевидным. Нет, цвет волос и глаз, овал лица, форма рук и прочие внешние характеристики, как будто, совпадали, но выражение лица, взгляд и даже поза... Анна Корсакова расположилась на маленьком диванчике, небрежно поглаживая белую крошечную собачку. Лицо аристократки выражало лишь скучающую надменность. Серые насмешливые глаза смотрели куда-то мимо меня, в направлении людей и предметов, с которыми мне только еще предстояло познакомиться...

– Разве мы похожи? – недоуменно резюмировала я.

Шеф расхохотался.

– Да, если ты будешь вести себя, как законченная стерва, вы с этой дамочкой сделаетесь просто на одно лицо!

Между прочим, Анна, — посерьезнел он внезапно, — можешь один раз постараться и соответствовать персонажу. Никто тебе, помнится, не обещал полного и абсолютного сходства... Немного лицедейства — и все будет в порядке.

Я меж тем уныло констатировала, что одним лицедейством здесь не обойдешься. Трудно натурально изобразить наследственную беспечность, философское отношение к деньгам (проистекающее от их крайнего изобилия) и равнодушное презрение ко всякому, чей социальный статус ниже твоего. Их можно только получить в наследство от многих поколений знатных предков. Однако все эти доводы ни в малейшей степени шефа не трогали и даже не очень занимали. Мне приходилось рассчитывать только на свои способности и на то, что никому не придет в голову произнести в мой адрес подобно Станиславскому: «Не верю!»

* * *

Накануне отбытия мне приснился странный сон. Во-первых, мне вообще крайне редко снилось что-то связное. Во-вторых, меня учили управлять сновидениями, а тут все происходило помимо моей воли...

Я с большим трудом передвигалась по дороге. Вокруг плавала плотная завеса тумана, и от этого казалось, будто я двигаюсь в молоке неизвестно куда. При этом дойти куда-то требовалось непременно, и как можно быстрее. Внезапно я об-

наружила, что дорога под моими ногами становится жидкой, и не смогла бы продолжать путь, если бы не чья-то ведущая меня рука. Темный плащ укутывал фигуру спасителя, поэтому разглядеть его я не могла. Мы брели по странной дороге, вцепившись друг в друга так крепко, словно от этого зависели наши жизни... Постепенно впереди стали проступать очертания огромного валуна, на котором стояла маленькая фигурка, тянущая к нам руки. Видимо, это и была наша цель, только вот идти становилось все труднее, и рука моего неизвестного спутника уже не так помогала – ему самому приходилось нелегко.

На этом месте я проснулась и долго еще приходила в себя от устойчивого чувства тревоги и неопределенности.

Но как бы там ни было, а повернуть вспять машину подготовки к эксперименту я уже не могла, и потому сочла за лучшее отмахнуться от загадочного сновидения... Как оказалось позже, совершенно напрасно.

Мало-помалу жизнь все-таки научила меня, что ничего никогда не происходит просто так, даже если на первый взгляд кажется абсолютно бессмысленным. Жаль только, что мы накрепко запоминаем эту науку, как правило, слишком поздно.

* * *

Больше всего люблю момент знакомства с эпохой. Конеч-

но, я никуда не отправилась бы без подробного инструктажа, но первые личные впечатления – это, доложу вам, совсем другое дело! Я так и не сделалась скучающей путешественницей, от всего защищенной и всем заранее пресыщенной. Все новое не просто живо занимало меня, но со временем еще и обретало обаяние личных воспоминаний, бесценную коллекцию которых я надеялась когда-нибудь изложить на бумаге.

Готова я была и к тому, что аромат времени ни в каких инструкциях донести невозможно. Я путешествовала в карете по дорогам Германии XVIII века, с удовольствием бывалого наркомана вдыхая запахи, что были постоянно к моим услугам: запах новой кожи, дыма, какой-то неведомой мне зелени и почему-то – свежих яблок, хотя для яблок по моим понятиям было рановато.

Правда, к безмятежным сочным ароматам примешивался едва уловимый запах авантюры, столь характерный для всех моих начинаний. И в этом мире тоже была некая «ситуационная щель», возможность поучаствовать в истории и слегка ее видоизменить. Вопреки обыкновению, я внезапно засомневалась в правомочности нашего эксперимента.

Подумать только, в безоблачное детство княжеского отпрыска вклиниваюсь я со своими претензиями, лишаю ребенка привычной обстановки, перетаскиваю на много лет вперед с меркантильной целью изучить его необычные способности... Кто знает, почему сведений о нем не сохрани-

лось ни в каких исторических источниках? Может, он просто умело скрывал свои таланты и умер в глубокой старости, окруженный десятком внуков?

Но здравый смысл подсказывал мне: надежды на лучшее напрасны. У мальчика нет иной возможности выжить, кроме как последовать за мной. Понятно, если хоть один политикан с амбициями пронюхает, что умеет этот малыш, страшно представить, во что превратится его жизнь! Тут я заставила себя прекратить никчемные рассуждения и переключилась на более светлые мысли.

Мое сиятельство графиня Корсакова была женщиной отнюдь не бедной – экипаж мягко покачивался на новых ресорах, везли его не какие-нибудь там клячи, а вполне породистые вороны. Правда, штат прислуги ограничивался кухаром, остальных слуг (а лучше – спутников, в моем деле спутники были куда полезнее) следовало подобрать при ближайшей okazji.

Помнится, я еще спросила у шефа, зачем мне, собственно говоря, спутники, и откуда они должны взяться.

– Надо, чтобы все было по правилам, – назидательно заметил он, – А что до спутников... На стоящее дело люди сами найдутся, попомни, Анна, мое слово... Тебе даже не придется искать.

С не меньшим удовольствием я оглядела и свою собственную персону. Покажите мне женщину, которой не понравилось бы носить дорожные туалеты из упоительно шуршащей

ткани, очаровательные шляпки и ботинки из кожи не грубее перчаточной. Причем, поскольку все это было пошито на меня и только на меня, сидело оно как влитое.

То ли двигались мы не слишком быстро, то ли северные немецкие земли оказались гораздо обширнее, нежели на первый взгляд, но до ближайшего постоянного двора мы добрались только к вечеру.

– Комнату и приличный ужин мне, – властно обронила я, глядя поверх головы хозяйки (обыкновенный в здешних краях типаж: белоснежный чепчик, здоровая полнота и неожиданная цепкость во взгляде), – и позаботьтесь о моем кучере.

Вежливый ответный реверанс я получила немедленно, все остальное – в течение ближайших пяти минут. Оставалось только отдать должное ужину и благополучно отойти ко сну...

И надо же было так случиться, что уже в первую ночь «на новом месте» вместо полагающегося по всем приметам жениха мне привиделся снова тот же кошмар... Мало того, он получил продолжение.

Как в первый раз, я брела по кошмарной жидкой дороге, хваталась за руку незнакомца, стараясь избавиться от чего-то неведомого маленького человечка, протягивающего к нам руки в конце дороги. И он становился ближе и ближе, невзирая на трудности пути. Мой взгляд фиксировал разные мелочи: белоснежные кружева жабо, шитье на камзольчике, рыжие локоны... Это, вне всяких сомнений, был ребенок.

Мальчик лет семи с живой подвижной мордашкой, искаженной каким-то недетским страхом. Как будто он видел нечто такое, чего еще не видела я. Я постаралась получше рассмотреть его, и тут же проснулась... Можно было подумать, что мне показывали триллер с постепенно развивающейся интригой и эпизоды его, как полагается, оканчивались на самом интересном месте.

2. Люди на стоящее дело

Просмотрев очередную серию кошмара, предложенного мне Мирозданием для развлечения, я почти не выспалась и спустилась к завтраку в самом мерзком расположении духа. Даже поднесенная немедленно благоухающая яичница с зеленью и кружка свежего кофе не смягчили мое отвращение к миру. Мир был мне должен, и очень много, за ночные безобразия. Харчевня в этот утренний час почти пустовала, если не считать еще одного посетителя. На нем-то я и остановила взгляд. Я любила разглядывать людей, а в этом случае интуиция подсказывала, что разглядывание может принести пользу.

Недалеко от меня в углу за столиком сидел мужчина лет 40 с небольшим. Внешность его безошибочно указывала на род занятий – это, вне всяких сомнений, был один из тех искателей приключений, что наводнили Европу в XVIII веке. Сероглазый блондин, одетый во что-то темное – мне понравилось за ним наблюдать... Вряд ли кому в этой эпохе знаком термин «белокурая бестия» – а между тем незнакомец полностью отвечал характеристике Ницше. Разве что с возрастом стал несколько тяжелее на подъем и был, как будто, слегка припорошен невидимой пылью неудач и потерь, неизбежных при его образе жизни. Однако ничто не повлияло – да и не могло повлиять – на изящество и лег-

кость движений, пластику хищника, вынужденного скрываться среди обычных людей.

Я лениво ковырялась в тарелке, погрузившись в придуманную биографию незнакомца, пока, наконец, не заметила, что сама стала объектом пристального внимания с его стороны. Разумеется, если хоть половина из моих догадок верна, никто не может следить за ним безнаказанно... Только вот наблюдал он за мною очень осторожно, гораздо осторожнее, чем я за ним.

Ох, не давала мне покоя моя интуиция, не зря же ее нахваливал шеф... Я просто голову готова была прозакладывать, что не просто так мы повстречались с этим господином в придорожном трактире. И памятуя о своем образе избалованного капризного создания, я решила пойти напролом.

Выскользнув из-за стола, я быстро подошла к нему и, небрежно улыбаясь, спросила:

– Простите, вы же авантюрист?

По-моему, он все-таки слегка поперхнулся пивом. (Ну, еще бы, вряд ли ему когда-нибудь напрямую задавали такой вопрос.) Правда, быстро пришел в себя, как-то неопределенно усмехнулся и ответил вопросом:

– А что вам угодно, госпожа?

– Это зависит от того, верна ли моя догадка. Если я ошиблась, то прошу меня извинить и откланиваюсь.

– Мой же ответ, в свою очередь, зависит от того, какое дело привело вас ко мне...

Я непроизвольно поморщилась. Играть словами я тоже умела, но сейчас вовсе не была расположена. Впрочем, выбора не оставалось.

– Что ж, попробуем начать сначала. Я – графиня Корсакова, и у меня небольшое дело при дворе герцога Рейхштадтского (боже, чего мне стоило без запинки выговорить эту фамилию...). Обстоятельства заставили меня отправиться в путешествие без провожатых, но теперь мне понадобился кто-то, кто...

– Охранял бы вашу хорошенькую головку от шальной пули? – слово «хорошенькую» он произнес с некоторой брезгливостью, как будто исключая наличие в женских головах хотя бы малой доли здравого смысла.

Вот так начало... Я мысленно призвала в свидетели шефа, что все необходимые формальности были соблюдены. В конце концов, хватит реверансов.

– И в хорошеньких головках (я в точности повторила интонацию собеседника) время от времени вызревают вполне годные к употреблению идеи... Кроме того, их обладательницы иногда бывают в состоянии достойно оплатить свои маленькие женские капризы.

Мой собеседник неожиданно улыбнулся и неторопливо поднялся из-за стола.

– Генрих Штайнберг, к вашим услугам, госпожа, – с поклоном произнес он. Правда, руку мне поцеловать не попытался. Но это было бы, пожалуй, уже чересчур. Я и так по-

чувствовала, что он признал во мне достойную нанимательницу.

В общем, начало было положено. Вокруг меня начали собираться люди, с которыми мне следовало исполнить стоящую передо мной непростую задачу.

* * *

По его собственному признанию, никакие дела не удерживали господина Штайнберга в этом городишке, и уже через час, потраченный мною на «чистку перышек», мы могли выезжать в направлении герцогства Рейхштадтского. Замечу, что, наняв себе спутника, я приобрела одновременно весьма практичного управляющего. Он окинул мой шикарный экипаж скептическим взглядом и посоветовал купить обыкновенную лошадь под седло, поскольку путешествовать верхом, вне всяких сомнений, гораздо удобнее.

Возразить на это было нечего, и я со вздохом призналась, что не слишком хорошо разбираюсь в лошадях. Вместо ответа он слегка приподнял левую бровь, рассеченную маленьким шрамом, и исчез на полчаса. По истечении этого времени я стала обладательницей крепкой выносливой кобылки довольно спокойного нрава.

Я влезла в чудовищно неудобное дамское седло (надеюсь, с достаточной легкостью), и мы тронулись в путь. Карета ехала за нами «до особых распоряжений». Кто знает, когда она могла бы пригодиться в нашем путешествии?.. Я так и не ре-

шилась последовать совету Генриха и оставить карету на постоянном дворе, даже рискуя выглядеть занудой. Пользуясь удобным моментом, я продолжила тайное изучение «сподвижника»... Понятно, не прошло и нескольких мгновений, как он это заметил.

– Почему госпожа так рассматривает меня? – обратился он ко мне, едва заметно усмехаясь, – Может быть, вы сожалеете, что прибегли к моим услугам?

Вопрос прозвучал ну очень ехидно. Видно, мой рыцарь изрядно сомневался, что еще кто-нибудь мог бы польститься на мои условия. Уж больно расплывчатые задачи я ставила. Я даже не знала, отчего это он сам согласился поступить ко мне на службу, и подозревала, что у него имелись на то свои причины. Однако нахала следовало поставить на место, да побыстрее. Мои скромные познания в области найма слуг ограничивались единственным тезисом: если сразу не указать им, «кто в доме хозяин», после не оберешься хлопот.

– А что, – не менее ядовито откликнулась я, – Вы собираетесь дать мне повод для сожалений? Или так низко себя цените, любезный господин Штайнберг?

Вместо ответа он только негромко фыркнул. Постепенно у меня создавалось впечатление, что он втихомолку надо мною посмеивается. И поскольку я не знала причины веселья, а вслух интересоваться этим не собиралась, оставалось делать вид, что не замечаю насмешек вовсе.

Мы некоторое время ехали по неправдоподобно хорошей

дороге, и, наконец, оказались в маленьком городке... или большой деревне. У них, у немцев, разница между населенными пунктами была не слишком заметной. Везде имелся стандартный набор: относительная чистота улиц, черепичные крыши, главная площадь с памятником или фонтаном и средневековое здание ратуши, маленькое, почти игрушечное.

Разве что в здешних краях было не так много зелени, но та, что имелась, цвела по-летнему пышно. «И это север!» – мысленно посмеивалась я, вспоминая родную питерскую натуру.

Я с любопытством озиралась, время от времени тыча во что-нибудь пальцем и задавая Генриху дурацкие вопросы. Он слегка морщился, но отвечал подробно и внятно. Мне оставалось только дивиться его терпению и подсознательно ждать, когда мои мелкие провокации окончательно выведут его из себя. В этот раз я не дождалась ничего подобного – у моего наемника явно были весьма крепкие нервы.

Чем ближе мы подъезжали к площади, тем громче становились звуки музыки, с трудом пробивавшиеся сквозь гомон толпы. В городке явно шло какое-то веселье.

– Что это? – задала я очередной идиотский вопрос.

– Приезжие артисты развлекают местных ценителей прекрасного, – равнодушно откликнулся мой спутник.

Похоже, он раз и навсегда решил игнорировать мои попытки наладить светскую беседу.

Между тем мы подобрались так близко, что уже могли различить приятный мужской голос, распеваящий какую-то мелодичную песенку. Я прислушалась, и застыла на месте, напряженно морща лоб: на минуту мне показалось, что я схожу с ума.

– Не оглянуться я не мог тому видению вслед,
Ведь оглянуться же могло и оно...

Правду говоря, я сталкивалась с этим явлением не впервые, но так и не смогла к нему притерпеться. Чем больше я путешествовала по разным эпохам, тем сильнее укреплялась в мысли, что все повторяется – как ни старайся сотворить что-нибудь оригинальное. Вот и на этот раз, хотела я или нет, но получила неожиданный «привет из будущего». Менестрель, вероятно, полагал, что создал нечто выдающееся... На самом же деле у него получился лишь посредственный вариант песни про «девочку-виденье», смертельно надоевшей мне еще дома.

– Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я... – пропела я по-русски, с лукавством покосившись на Генриха.

В ответ он скорчил гримасу крайнего утомления, и лениво осведомился, о чем я пою.

– Примерно о том же, что и вон тот юноша, – я указала прямо на певца, ибо в этот момент мы уже выехали на пло-

щадь, до отказа набитую горожанами.

Нам повезло, что мы не успели спешиться: пешком нам вряд ли удалось бы протиснуться к фонтану, возле которого расположился певец. Наконец-то я смогла поближе рассмотреть его... На первый взгляд юноша изрядно напоминал лубочную картинку своей кукольной, ненатуральной красотой. Каштановые локоны, фарфоровая кожа, карие глаза в обрамлении густых изогнутых ресниц и вызывающе кокетливая родинка в правом уголке рта... Да, еще бархатный баритон, как будто специально предназначенный для распевания любовных серенад.

Словом, внешность его была бы совершенно безукоризненна, однако условия жизни и род занятий вносили свои коррективы. Со второго взгляда я заметила следующее: романтический красавец явно давно не мылся, а глаза его блестели вовсе не возвышенным голодным блеском.

– Я вкушаю с благородным нектаром
Лишь бесплодные свои сожаленья —
Оказалась, – ах! – ужасным ударом
Для меня утрата девы – виденья, —

певец проникся сюжетом, это было заметно сразу, – на его глазах даже выступили вполне искренние слезы.

Бюргеры снисходительно аплодировали, у них, видимо, пока не возникло ощущения, что их вниманием злоупотреб-

ляют. К тому же денег за концерт с них пока никто не просил.

За нашими спинами послышался шум совсем другого рода: появление стражей порядка во все времена сопровождается примерно одинаковыми звуками. Пара солдат под предводительством дюжего командира сноровисто протолкались через народ и окружили примолкшего бедолагу-певца.

– Не положено, – произнес командир интернациональную формулу власти.

Менестрель не нашелся что ответить, и только пискнул нечто бессвязное. Командир забубнил что-то про арест, солдаты ухватили поэта под руки...

Мне отчего-то активно не понравилось их обращение с представителем богемы. Кроме того, нужно было поддерживать имидж безумной русской аристократки, и я решила вмешаться. Я открыла было рот, но Генрих опередил меня на долю секунды. Он смерил мизансцену ленивым взглядом и небрежно поинтересовался:

– Что вам нужно от парня, молодцы?

И видимо, что-то такое прозвучало в его голосе, что заставило солдат замереть на месте, а командира вступить в переговоры. Наше преимущество состояло во внезапности, и в том, что мы так и остались в седлах. Командиру приходилось обращаться к Генриху снизу вверх, отчего тон его сам собою становился почтительным.

– По приказу господина бургомистра, арестуем бродягу Шметтерлинга, дабы, сняв с него показания, выдворить

за пределы города, – его речь сильно смахивала на доклад начальству.

Мой спутник тут же использовал ситуацию – принял начальственный вид, и распорядился:

– С его слов, – он пренебрежительно кивнул в сторону местреля, – запишете, что он сожалеет о случившемся и готов впредь обходить ваш славный город стороною. Благородная госпожа изволит забрать сего музыкантишку с собой, и оплачивает ваше беспокойство, солдаты.

Я тоже приосанилась. Обо мне отчего-то говорили в третьем лице, и через мгновение я поняла, почему.

– Госпожа из России, не изволит изъясняться по-немецки, и доверяет все переговоры мне, как ее управляющему, – предупредил Генрих дальнейшие расспросы, и вполголоса добавил, наклонившись к уху командира: – Станные они, эти русские, поверь мне, приятель... Но деньгами швыряются знатно – ты не останешься внакладе. Не будем спорить с благородной госпожой, если уж ей приспела охота каждый день слушать песенки этого бездельника.

Солдат понимающе ухмыльнулся, принял от Генриха увесистый кошель с деньгами, и по его команде пииту возвратили свободу. После этого стражи порядка испарились так же быстро, как и возникли. По-моему, они опасались, как бы моя внезапная придурь не миновала.

Только я изготовилась отчитать Генриха за неподобающие намеки, отпущенные в диалоге со стражниками, как выясни-

лось, что мои испытания не закончились.

Менестрель со странным именем Шметтерлинг (надо же, «мотылек», фонвизинщина чистой воды, а я-то думала, что таких фамилий в природе не существует) мгновенно оправился от потрясения и по-свойски обратился к Генриху:

– Могу я узнать, госпоже понравился я сам или мои песни? Я должен знать доподлинно, свела меня судьба с подлинной ценительницей поэзии или всего лишь со скучающей богачкой...

Приготовленная для Генриха отповедь застряла у меня в горле, и я очутилась перед нешуточной дилеммой: объяснить пииту «кто есть мать Кузьмы» или сперва душевно побеседовать с господином Штайнбергом.

Однако Генрих не собирался и дальше вести беседу в том же фривольном духе.

– Тебя, парень, прежде всего судьба свела со мной – и я не знаю, кому из нас от этого придется хуже, – безрадостно отрезал он, и обратился, наконец, ко мне: – Прошу меня извинить, госпожа, за доставленное неудовольствие, в свое оправдание могу лишь заметить, что это был единственный способ выручить юношу...

Произнося свою покаянную речь, вид он имел настолько ехидный, что я осознала как никогда ясно: придется смириться с отдельными проявлениями неуважения к моей персоне... Разумеется, во имя достижения благородных целей.

– Где ближайшая приличная гостиница? – спросила я пи-

ита на чистейшем немецком языке, которого, якобы, совершенно не понимала.

Вьюнош остолбенел, к большому удовольствию Генриха.

– Ну что застыл? – раздраженно поинтересовалась я. Мне начало надоедать затянувшееся представление, разыгранное нами на глазах изумленных горожан.

Поскольку оно до сих пор было бесплатным, почтенные бюргеры даже не собирались расходиться.

– В самом деле, ты разве не слышал, что велела госпожа? – присоединился ко мне Генрих, почти совершенно избавившийся от ехидства в голосе и взгляде, – Проводи нас до гостиницы, в которой не зазорно будет остановиться на ночлег.

Шметтерлинг закивал и проследовал через площадь к маленькому проулку. Вскоре выяснилось, что там находится небольшая гостиница, над воротами которой значилось, что «именно здесь только для благородных путешественников...» и прочее. У меня появилась устойчивая надежда на нормальный отдых, горячий ужин и ночлег на чистых простынях. Правда, слуг во дворе не было видно, но Генрих быстро разрешил это небольшое неудобство.

– Шметтерлинг, позаботься-ка о лошадях, – приказал он, направляясь к двери трактира.

Он был прав на все сто – неожиданное приобретение, безусловно, следовало пристроить к делу. Сам поэт, правда, был другого мнения на сей счет.

– У меня есть имя! – от возмущения срываясь на петуши-

ный фальцет, заявил он.

– Вот как! И какое же? – полюбопытствовал Генрих, не оборачиваясь, и только самую малость замедлив шаг.

– Клаус, – представился юноша с непонятной гордостью. Можно подумать, это поименование принадлежало прежде какому-нибудь эпическому герою!

Генрих приподнял брови, подумал пару секунд, и затем отрицательно покачал головой.

– Нет, – припечатал он, – Никакой ты не Клаус... Посмотри на себя, парень, – ты же истинный Шметтерлинг! Зачем тебе имя?

От неожиданности я застопорилась на месте. Моему наемнику свойственно, оказывается, довольно нестандартное чувство юмора. Отрадно сознавать, что рядом со мной находится не тупой солдафон, а вполне гармоничная личность. Эта мысль удобно устроилась в моей голове и не покидала насиженного места довольно долго, вызвав какое-то смутное беспокойство. Я даже к ужину отнеслась сперва без должного почтения, пытаясь уяснить, что же меня беспокоит. Однако дальше смутных ощущений в тот день дело не пошло, постепенно я успокоилась, и даже смогла отдать должное куриной грудке, плавающей в умопомрачительном соусе. Положительно, кухня галантного века, пусть и в обыкновенном небольшом трактире, могла отвлечь кого угодно от абстрактных умозаключений.

После того, как наша компания неожиданно пополнилась поэтом, Генрих ненавязчиво напомнил мне, что неплохо бы нанять парочку настоящих вояк. Он как будто чувствовал, что грядущее приключение будет не слишком мирным. Мне пришлось согласиться с этой необходимостью, и прямо в трактире Генрих подсел за стол к двум мрачным личностям, уныло поедающим что-то неаппетитное из общей миски. Похоже, это было все, что они могли себе позволить, а на их бывалых физиономиях читалось застарелое похмелье. Генрих о чем-то пошептался с ними, покосился в сторону стойки, и оттуда, как по мановению волшебной палочки, побежали поварята с запотевшими кувшинами, обширными мисками и дымящимися горшочками.

Я громко прыснула в своем углу. Методы вербовки не отличались большим разнообразием. Но зато обе стороны хорошо знали правила игры. Физиономии вояк заметно прояснились, и они принялись переглядываться между собой. Генрих следил за развитием событий с совершенно особенным хулиганским выражением лица. При этом он даже не улыбался, но глаза так явно смеялись, что мне стало завидно. Вот бы научиться так же лихо работать с кадрами...

– О чем он там шепчется с этими громилами? – чуть слышно прошелестел за моей спиной Шметтерлинг.

– Нанимает для меня пару бывалых парней, которые хо-

рошо знают цену деньгам, честному слову и своевременному молчанию, – откликнулась я, с сожалением отрываясь от наблюдения и переводя взгляд на пиита.

К моему крайнему изумлению, он чего-то очень сильно испугался. Мало этого, он, похоже, решил напугать и меня.

– Вы так неосторожны, госпожа, – глаза его округлились, будто у напуганного страшной сказкой ребенка, – Такие темные личности на все способны, уж поверьте мне!

Между прочим, это была в моих глазах наилучшая рекомендация. Мне как раз и нужны были люди, способные на все. Я совершенно не представляла, чем нам придется заниматься в ходе нашей операции, так что способности моих спутников должны быть неограниченными – просто на всякий случай. Однако Шметтерлинга я обязана была успокоить – он и без того плохо ладил с Генрихом, не хватало, чтобы и с доблестными ландскнехтами не сошелся с самого начала...

– Объясни мне, дорогой мой, что тебя так пугает в этих достойных господах? – ласково улыбаясь, поинтересовалась я.

– Боже мой, госпожа, должно быть, в России таких злодеев не бывает, но у нас здесь...

И тут началось. Вот уж никогда бы не подумала, что этот юноша, ведущий столь призрачный образ жизни, способен выдавать такие страстные монологи на темы личной безопасности каждого. Послушать его, так никто из нас не должен был подходить к наемникам вообще и этим в частности бли-

же, нежели на километр, да и то с особыми предосторожностями. Иначе говоря, все складывалось превосходно – я даже решила немного увеличить жалование потенциальных компаньонов, если они и вправду окажутся настолько опасны.

Я терпеливо выслушала бредовый монолог Шметтерлинга и разразилась ответной речью. Красной нитью сквозь нее проходила мысль, что в России водятся такие персонажи, какие бедняге пииту и не снились, даже в самых страшных кошмарах. В заключение, я упомянула о своей несомненной способности управляться с означенными персонажами легко и непринужденно.

Пока я вселяла уверенность в наполненное комплексами сердечко своего «придворного барда», Генрих завершил первый тур переговоров и подвел к нам соискателей на места в личной гвардии моего графского сиятельства.

Чем-то два этих мужика были неувовимо похожи. Не то угрюмой сосредоточенностью, проглядывающей сквозь мутное марево похмелья, не то еще какой-то трудно описуемой деталью поведения.

– Двое из ларца, одинаковых с лица, – не сдержавшись, произнесла я по-русски.

Сказочная формула из моего детства произвела на солдат неотразимое впечатление. Они ощутимо расслабились и даже почти одинаково усмехнулись. Подозреваю, что это стало завершающим штрихом к моим чисто русским чудачествам, на описание которых, видимо, не пожалел красок Генрих.

Молодцы откликались на клички Раупе и Краваль и очень просили не утруждаться в поиске их настоящих имен. Я понимающе кивнула. Меня мало занимали причины, по которым они скрывали «паспортные данные» – наверняка эти причины были достаточно вескими. По правде говоря, мне их паспорта были и вовсе ни к чему.

Мы переночевали с изрядным комфортом, а на рассвете были безжалостно изъяты из постелей неумолимым Генрихом. Ради меня он нацепил на лицо любезную приветственную улыбку, которая никого не могла обмануть... Его голос все равно остался напористым и властным, когда он предлагал «выехать немедленно, пока не наступила жара». Нельзя было отрицать очевидное: он давил на меня возрастом и опытом, которого я не имела. Отныне, видимо, мне предстояло передать ему все полномочия, оставив за собой только главное – решать, куда и для чего мы едем. Способы выполнения этих задач он, похоже, собирался выбирать сам.

3. В маленьком цветнике безумия

Невзирая на сумерки сознания, я не могла не глазеть вокруг. Этим утром нас окружали какие-то особенно пасторальные пейзажи. Не хватало разве что пастушков и пастушек, все остальное имелось в изобилии: повсюду буйно цвела свежая зелень, громко распевали неизвестные мне птички, и вся эта идиллия освещалась теплыми лучами яркого солнца. Удивительно, как летнее цветение преображало довольно, в общем-то, суровые места.

Сонная муть постепенно выветривалась из моего организма, уступая место благонадежной умеренной веселости. Можно было на время забыть обо всем, кроме чудесного денька, и от души наслаждаться безмятежностью. Компанию мне составил Шметтерлинг, мурлычущий что-то невнятно, но с большим чувством.

Прочие представители моей личной гвардии не спешили предаваться отдыху. «Двое из ларца» бдительно оглядывались по сторонам, иногда уезжали вперед, а возвращаясь, тихо докладывали что-то Генриху – должно быть, обстановку. Он кивал, задумчиво и значительно, отдавал новые приказания, и мы продолжали путь.

Ближе к полудню лес на нашем пути сделался гораздо реже, чем навел на мысли о расположенном неподалеку человеческом жилище. Окрыленный гипотетической возможно-

стью отдыха, поэт пропел мне краткую оду гостеприимству немцев вообще и обитателей этих мест в частности.

– Твоя правда, дружок, вот, кстати, власти городка, из которого мы тебя так вовремя забрали, отличались непревзойденным дружелюбием! – надеюсь, мой голос был не слишком ядовитым во время произнесения этой тирады.

Пиит как-то сразу сник. Вообще, невзирая на положенную ему по статусу возвышенность, временами этот юноша проявлял недюжинную практичность и смекалку.

«Двое из ларца», посоветовавшись о чем-то, выдвинули предложение устроить привал. Их аргументы выглядели вполне весомо – лошадям, в самом деле, нужен был отдых, людям, в общем, тоже, и я приняла решение попросить приюта у хозяев поместья.

Генрих в ответ на мое распоряжение как-то неопределенно пожал плечами, но возражать не стал. Не то не нашел возражений, не то решил дать мне покомандовать... «Чем бы, дескать, дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось». Даже мысленная цитата народной мудрости вызвала у меня широкую улыбку: жаль, никто не мог оценить этот чисто российский перл по достоинству.

– Отчего госпожа так улыбается мне? Разве я сказал что-нибудь забавное? – ехидство Генриха было неистребимо.

Оказывается, он уже некоторое время адресовался ко мне с монологом на темы общей безопасности предприятия, а я почти весь его пропустила.

– Это аванс, – не осталась в долгу я, – за ваши несомненные достоинства. Желаете материального дополнения, или куда морального поощрения довольно?

Генрих смерил меня одобрительным взглядом, и ответил в том смысле, что ему достанет всего, что бы я ему ни предложила. Фраза выглядела двусмысленно, но мне было не до пустых перепалок.

За пререканиями мы незаметно миновали главную аллею и оказались перед замком. Правда, так назвать это здание можно было лишь с большой натяжкой. Я наивно полагала, что замок – это непременно мрачное, сложенное из огромных грубых валунов строение с узкими бойницами вместо окон.

Однако в данный момент мы стояли перед белым двухэтажным домом, украшенным кружевной резьбой по камню, и высокие стрельчатые окна его ничуть не напоминали бойницы. В общем, здание было очень красивым и каким-то умиротворяющим. Однако дверной молоток был истинно замковым: я искренне засомневалась, что смогла бы приподнять его хоть слегка. Постучать мы доверили Шметтерлингу, и получили массу удовольствия, наблюдая за его стараниями. Не прошло и получаса, как ему удалось изобразить некое подобие стука.

А вот отворили нам немедленно. Дверь немного приоткрылась, и на уровне моих колен в нее просунулась морщинистая стариковская мордашка. Меня аж передернуло, когда

я поняла, что перед нами не старик, а какой-то фантазмагорический уродец с фигурой ребенка и личиком столетнего старца. «Двое из ларца» неодобрительно переглянулись, физиономия пиита вытянулась, да и мне стало не по себе. Один Генрих вроде бы ничему не удивился, взглядом остановил публичное выступление, которое было у меня уже на подходе, и буднично обратился к уродцу:

– Доложи, любезный, графиня Корсакова желает говорить с хозяином.

Карлик понимающе кивнул, и шустро засеменял с докладом. Еще один лакей (на сей раз обычной наружности) в это время провел нас в гостиную. Повсюду в доме почему-то царил полумрак. Даже там, где были окна, они скрывались за плотными занавесями, и только ради нас на столике появился единственный шандал с дюжиной свечей. В их слабом свете, причудливо искажающем все вокруг, мои спутники представились мне намного благородней и значительней, чем при свете дня.

С четверть часа мы провели, разглядывая друг друга, и лишь по истечении этого времени на пороге комнаты показались два темных силуэта. В первый момент они показались мне продолжением теней, во множестве скользивших по стенам, но Генрих неторопливо поднялся, за ним вскочил пиит, и я поняла, что к нам, наконец, пожаловал хозяин.

Высокий и какой-то сивый граф не очень заинтересовал меня – прежде всего, он был немцем, дважды немцем, ес-

ли не трижды. Стеклянная голубизна его глаз напоминала о музыке Вагнера, несостоявшемся торжестве арийской расы и вскинутой в одиозном приветствии руке. В общем, это был набор стандартов: жестокость, сентиментальность, пристрастие к громкому пению и пышным блондинкам.

«Истинный ариец» в ответ скользнул по мне равнодушным взглядом. Куда уж мне было до его идеалов с этим ведьмовским отливом волос, худощавой физиономией и, – как ни прячь ее – иронией в глазах...

Господин, скромно стоящий позади графа, принадлежал ко всем расам сразу... и ни к одной наверняка. Впалые щеки фанатика, тяжелые веки, нависающие над желтыми кошачьими глазами, изысканный нос английского аристократа и неожиданно яркий узкий рот, притягивающий взгляд на выцветшем гобелене его лица.

«Уста его – пурпуровая рана от лезвия, пропитанного ядом...» – я едва не проговорила стихи вслух, удержалась только из соображений приличия.

Однако сквозь безупречную маскировку внешности этого господина почти проступали страсти, снедающие все его существо... В который раз я поддалась привычке сочинять биографии всем, кто попадался на моем пути, и вздрогнула от неожиданности, поняв, что граф обращается ко мне:

– Счастлив приветствовать вас, госпожа графиня, в моем холостяцком логовище... Позвольте представиться: Фридрих фон Вольф, хозяин здешних мест. А это, – он небрежно

кивнул в сторону «космополита», – Мой лекарь, Иоганн.

Только взглянув «космополиту» прямо в глаза, я поняла, что он следит за мной с того момента, как появился на пороге комнаты. Он разглядывал меня с интересом, но не мужским, а сугубо академическим, словно редкий экземпляр бабочки или жука... Я почувствовала себя неуютно под этим внимательным, непроницаемым взглядом.

Как бы там ни было, но приняли нас с подобающим почетом. Фон Вольф настоял на нашем ночлеге, лично прошелся по подготовленным для нас апартаментам, и, равнодушно облобызав мне руку, удалился. Генрих оглядел наше сообщество, проверяя наличие бдительности на лицах, и предложил вернуться в небольшую гостиную через полчаса. Мне все время казалось, что сейчас он расскажет о владельце замка нечто несусветное, и нам придется в кавалерийском темпе покидать место бивака, но этого так и не произошло.

Объяснение состоялось позже, когда моя маленькая гвардия, умиротворенная комфортом, объединилась в гостиную в ожидании обеда.

– Как вам обитатели замка? – по-моему, Генриха всерьез интересовало мое мнение.

– Лекарь бесподобен, – честно признала я, – ему место среди «псов господних», или...

– Напрасно вы не обратили внимания на владельца этих мест. Его персона куда любопытнее... и куда опаснее, кстати. Да будет вам известно, госпожа, вся болтовня здешних

крестьян о «пораженных луной» не так беспочвенна, и фон Вольф – лучшее тому подтверждение. По преданию, его род ведется от оборотней, правивших здешними краями в незапамятные времена... Впрочем, это слишком долгая история, если пожелаете, я расскажу вам ее как-нибудь в другой раз.

Мне хотелось услышать ее немедленно, останавливало только сознание того, что момент неподходящий. Повсеместное, отчасти неосознанное коварство мужчин частенько проявляется в этой мелкой пакости: заинтересовать чем-то, и отложить рассказ на неопределенный срок, дабы дама изнывала от любопытства. Однако и нескольких фраз Генриха оказалось довольно, чтобы я насторожилась. «Век просвещенного абсолютизма» все подкидывал мне сюрпризы: старые замки, легенды и растущее количество странностей вокруг больше подошли бы средним векам, но никак не Галантному столетию, в каковом я, как будто, пребывала.

Обед прошел, в общем, без приключений. Правда, пилит, задавленный старинной роскошью обстановки, постоянно нервно посмеивался, да лекарь продолжал рассматривать меня с прежним академическим интересом. Прочие отдавали должное пище и напиткам, и не особенно старались поддерживать светскую беседу. У меня осталось смутное ощущение, что Генрих знаком с хозяином поместья лучше, нежели могло показаться на первый взгляд. От этого я насторожилась еще сильнее, одновременно ругая себя за подозрительность: эти двое не обменялись и парой слов... Уже по-

глощая десерт, фон Вольф ненавязчиво поинтересовался:

– Простите мое любопытство, госпожа графиня, но ваше появление в здешних захолустных краях, должно быть, обусловлено очень вескими причинами?

Вопрос прозвучал как нельзя более небрежно, но мне отчего-то показалось, что графу важен мой ответ...

– Придется разочаровать вас, мой дорогой граф, – в тон ему прощепетала я, – Одно лишь любопытство гонит меня по свету. Жизнь постоянно преподносит мне сюрпризы (вот это было чистой правдой), причем иногда в самых неожиданных местах.

Моя легкомысленная отповедь не обманула фон Вольфа ни на секунду, но пришлось ему удовлетвориться сказанным. Продолжая болтать о пустяках, мы завершили трапезу, и рассредоточились по личным апартаментам. Мне заранее не нравилась перспектива провести ночь в этом странном месте, но отступать было поздно, и я смирилась.

* * *

Как нас ни приглашали направиться прямо в свои комнаты и предаться отдыху, я все-таки не послушалась, и решилась на маленькую экскурсию. Я ни с кем не делилась своими планами, дабы не быть силой водворенной на место. Генрих и без того весь вечер посматривал на меня с плохо осознанным подозрением, и промолчал лишь потому, что не имел в распоряжении фактов.

Конечно, не хватало еще мне купиться на провокационные страшилки, половину из которых можно было смело игнорировать, и только вторую половину, поделив на десять, иметь при случае в виду. Я собиралась проделать любимое действие персонажей фильмов ужасов – побродить в одиночестве по коридорам замка, сулившим такое множество интересных открытий.

Строение с наступлением ночи погрузилось в полную темноту. Казалось, никакая частичка света не в силах выжить в его стенах. Зато в них жили звуки: дружный хоровод скрипов, шорохов, тихих стуков и перезвона капающей где-то воды обступили меня, едва я выскользнула в коридор. Мне полагалось бы мгновенно перетрусить, но темнота и странные звуки внушали только веселое любопытство. Мне казалось, я непременно обнаружу что-нибудь интересное в процессе своего «индивидуального тура».

Другие обитатели дома, как сговорившись, спали, и видели каждый свои сны. Из-за дверей, выходящих в коридор, вроде бы, даже слышалось их сопение.

Я разочарованно вздохнула и отправилась в картинную галерею. Вечером я уже удостоилась чести осмотреть ее, и в роли экскурсовода выступал сам хозяин. Он добросовестно пытался развлечь меня историями из жизни предков, но я слушала его не очень внимательно. Дело в том, что я никогда не любила экскурсоводов, и возглавляемые ими культпоходы в прошлое. Общаться с минувшим я предпочитала с глазу

на глаз, и возможно, именно эта наклонность заставила меня в свое время избрать такую необычную профессию. Ознакомиться как следует с изображениями местной знати я тоже решила в без посредников.

Толстенькая свечка в маленьком медном шандале давала ровно столько света, сколько нужно. Я подняла ее повыше и двинулась от картины к картине.

Было весьма любопытно увидеть наглядное подтверждение некоторым своим выводам. Например, дамы семейства фон Вольф, все, как одна, были пухленькими и белокурами. Они, конечно, не были на одно лицо, но совершенно явно принадлежали к одному типу внешности. Гитлер бы просто обзавидовался, куда там его «истинным арийкам»!

В мужчинах, впрочем, тоже прослеживалось сходство. Правда, не столь явное, как у дам. Мужчины фон Вольфов могли быть атлетами или хлюпиками, великанами или карликами, красавцами или уродами-вырожденцами, но... В их лицах всегда незримо присутствовало нечто хищное, животное, чего не могла изгладить ни улыбка, ни благообразие черт. Словно следуя традиции древних племен, ведших свою родословную от зверей, фон Вольфы полностью соответствовали своей фамилии.

Я попробовала припомнить хоть что-нибудь о «пораженных луной», которых с такой опаской поминал Генрих, но, как видно эти сведения сочли бесполезными для меня при подготовке путешествия... А жаль. За рассуждениями

и осмотром экспозиции сон подкрался ко мне совершенно незаметно. Только широко зевнув несколько раз кряду, я поняла, что ужасно хочу спать.

Шорохи и перестуки проводили меня до самой спальни, и затерялись где-то в глубине коридора. В полной тишине я забралась на гигантское ложе и почти мгновенно уснула.

* * *

Вся беда состояла в том, что, нагулявшись в темноте, и наслушавшись туманных намеков на разнообразные опасные чудеса, я сделалась донельзя восприимчивой к кошмарам. Чем они (кошмары) не замедлили воспользоваться. Я снова оказалась в своем незавершенном страшном сне, и снова ничего не могла с собой поделать.

...Увязая в болоте и тумане, мы с моим спутником едва-едва смогли подобраться к ребенку. Взобраться на камень нечего было и мечтать, и я протянула к малышу руки. Хотела крикнуть ему «прыгай!», но не смогла издать ни звука. По непонятной причине голос отказывался мне повиноваться, оставалось надеяться, что не навсегда.

Мальчик же сам догадался, что надо делать, и прыгнул в мои объятия. Если бы я знала, чем это закончится, поискала бы, пожалуй, другой способ спустить ребенка на землю... Которой под нами не оказалось вовсе. Как только мальчик оказался в моих руках, мы тут же начали проваливаться все

глубже и глубже. Вокруг нас снова сгустилась сплошная белая пелена, в которой гасли все звуки. До моих ушей чуть слышно донеслось: «Анна, Анна!» Затем послышался волчий вой, он никак не затихал, заставляя перепуганного ребенка цепляться за меня из последних сил... Мой спутник внезапно пропал – впрочем, не он ли звал меня по имени?

Тягучий волчий вой преследовал меня и наяву, когда я села на кровати, вытирая с лица холодный пот. Некоторое время я мучительно осознавала, где нахожусь. Поняв это, я с ужасом поняла и все остальное. По коридорам замка, в непосредственной близости от наших комнат бродило нечто, завывающее в точности как матерый волчара.

И, между прочим, дверные запоры выглядели не очень-то внушительно. Правда, имелась у меня одна вещь для подобных случаев... Вспомнив, как смеялся над нею Генрих, я кинулась проверять ее наличие в ридикюле – такова уж была способность моего наемника лишать всякого смысла старания казаться круче горы вареных яиц. Выслушав пару его ехидных замечаний, я вполне могла позабыть предмет своей гордости на столе в ближайшем трактире. Слава богу, он оказался на месте – маленький дамский пистолетик английского производства, очень симпатичный. Было в этой смертельной игрушке какое-то изящество целесообразности, функциональность, доведенная до логического конца. Но от неведомого существа, бродившего по темным коридорам замка, защитить меня она не могла – разве что немного придать

уверенности.

Кроме того, я втайне надеялась, что Генрих тоже проснулся от жуткого воя и в данный момент находится в полной боевой готовности. Тут я не ошиблась. Не прошло и пары минут, как в мою дверь тихо постучали. Находясь под впечатлением ночных кошмаров, я не спросила, кто там, а просто открыла запор и довольно широко распахнула дверную створку.

На пороге стоял Генрих, и ни следа страха не было на его лице. Вместо страха его физиономия выражала крайнее неодобрение.

– Почему вы не спросили, кто хочет войти к вам среди ночи? – строго спросил он меня.

– Это же были вы, – растерянno откликнулась я.

Вообще-то, он правильно на меня взъелся: только абсолютно неграмотная в области личной безопасности девица могла поступить так, как мое бестолковое сиятельство. Сейчас, глядя на мою растерянность, он только махнул рукой:

– Вашу неосторожность мы обсудим позже. Надобно поскорее собрать наших людей, и постараться выбраться отсюда. Не ожидал я, – добавил он, как бы обращаясь к самому себе, – что все случится уже сегодня...

– Что случится? – мои зубы стучали от страха, и произносить вслух даже очень короткие фразы являлось для меня нешуточным испытанием.

Генрих коротко и как-то зло усмехнулся.

– Разве вы проснулись не от этого воя? Хозяин здешних мест вышел на охоту раньше, чем я предполагал, и теперь никто в замке не может чувствовать себя в безопасности.

Никакой испуг не заставил бы меня утратить быстроту реакции. При нужде я могла почти мгновенно приходить в состояние боевой готовности, что и продемонстрировала Генриху не без тайной гордости за свою персону. И как всегда, безрезультатно.

Он деловито кивнул, поняв, что я готова, и направился к двери. (А комплименты, а восхищенные взгляды, а что-нибудь, вроде: «Вы очень мужественная женщина, я горжусь знакомством с вами»?.. Ничего подобного, видно, не приходилось ждать от моего наемника. Ничего, кроме вечной иронии.)

Остальные представители нашей разношерстной компании вели себя в полном соответствии со своими характерами. Раупе и Краваль, как две беззвучные тени, появились из-за дверей своей комнаты, едва мы вышли в коридор. Оружие они держали наготове, и вид имели решительный, невзирая на все страшилки здешних мест.

– Вы не боитесь? – полюбопытствовала у них я.

Они отрицательно покачали головами. Синхронные до умиления – ни дать, ни взять, персонажи из сказки, уже мной помянутые.

– Бояться следует обыкновенных, живых людей, госпожа, – почтительно откликнулся за них обоих Краваль, –

именно в них Сатана обычно помещает зло этого мира.

– Да ты философ, парень, – Генрих дружески усмехнулся, и мне показалось, что «двое из ларца» моментально расслабились.

Действие, которое оказывал на них Генрих, было сродни хорошей порции валерьянки. Уж очень укоренилась в них привычка во всем доверять своему командиру.

Чего никак нельзя было сказать о Шметтерлинге. Видно, стойкость перед лицом опасности не входила в число его добродетелей. Когда мы вошли в его комнату, стук зубов почти оглушил меня. По-моему, он был слышен и в коридоре.

– Ч-чт-то п-происходит, господа? – испуганно спросил пиит, как только зашел нас на пороге.

Он забился в самый угол кровати, натянув одеяло до кончика носа – видно, не на шутку опасался за свою персону. Мне так и не стало ясно, кого он боится больше: хозяев замка или членов нашей странной компании.

– Не хотим злоупотреблять гостеприимством здешних хозяев. Поднимай свою задницу, и пошли, – в устах Генриха эта краткая сводка прозвучала довольно угрожающе, и юноша счел за лучшее поскорее исполнить то, что ему велят.

Мы уже стояли в дверях, когда Генрих зачем-то взял со стола маленькую свечку, дававшую освещения ровно столько, чтобы сумрак не завладел помещением полностью. Зачем ему понадобился этот слишком уж маломощный светильник, я недоумевала недолго.

В абсолютной темноте парадной лестницы нас встречали два красных огонька. Они поблескивали во мраке так безразлично, что я не сразу уразумела: встречи с голосистой зверюгой избежать не удалось, это ее глаза блестели в темноте. Крупный зверь, похожий на волка, смеривал нас, как потенциальную пищу, цепким и совершенно бесстрастным взглядом. Я чуть было не начала покачиваться, как под взглядом змеи, и сама не заметила, как заговорила вслух:

– Кыш, волчок – серый бочок! Мы все ужасно невкусные, можешь поверить на слово. Особенно...

Договорить мне не дали. Твердая, как камень, рука Генриха встряхнула меня, вроде бы даже оторвала от земли, и поставила к оборотню вполоборота.

– Чему вас учили, госпожа? – от его торопливого шепота несло холодом, как из морозильной камеры, – Нельзя смотреть вервольфу в глаза. Опаснее только говорить с ним.

Пока он спешно вразумлял меня, время от времени встряхивая за локоть, я поняла, что наваждение исчезло.

– Ну ладно, а вы-то, господин всезнайка, что собираетесь делать? – сердито спросила я, поеживаясь от жесткости пальцев, все еще сжимавших мою руку.

– Сейчас, – откликнулся он, направляя в сторону вервольфа пламя свечи.

Он быстро чертил в воздухе маленьким язычком пламени, так быстро, что между нами и оборотнем как будто повисали непонятные знаки. И они произвели на зверя удивительное

действие. Он коротко таякнул, как будто пытался отвернуться от гипнотических скачков пламени, и не мог. Потом поджал хвост, как простая дворняга, и начал отступать вглубь дома, не отводя от свечи взгляд.

– Скорее, уходим, – скомандовал Генрих в полный голос, и мы полетели к выходу.

Должно быть, вышел рекорд: не прошло и минуты, а мы уже вскочили в седла появившихся словно из-под земли лошадей. Все это сопровождалось дробным стуком зубов Шметтерлинга, который не мог ни успокоиться, ни выразить свой испуг более цивилизованными способами.

– Да что это, черт побери, такое было? – выразила я общее изумление, когда мы благополучно выбрались за пределы поместья.

Отчего-то нас никто не пытался удержать, возможно, в расчете, что удерживать будет просто некого.

– Скоро полнолуние, – лаконично отозвался Генрих, не переставая бдительно оглядываться вокруг.

– Ну и что из этого? – нетерпеливо подогнала его я.

Я никак не могла понять, что творится в странной усадьбе, а Генрих, похоже, полагал, что уже выдал мне всю необходимую информацию. Услышав следующий недоуменный вопрос, он раздраженно передернул плечами.

– Я же говорил вам о вервольфах, госпожа. Сила их прибывает вместе с растущей луной. Я надеялся, что мы успеем покинуть замок, не познакомившись со вторым лицом гра-

фа, но, как вы видели, ошибся.

— Вы... ч-ч-что же... полагаете, что это господин г-граф изволили так завывать? — заикаясь от пережитого ужаса, встрял в разговор Шметтерлинг.

— Скажи спасибо, что они не изволили тебя сожрать, — ответил Генрих, сосредоточенно прищипывая лошадь, — У вервольфов прекрасный аппетит. Кроме того, возвращаясь в человеческий облик, они не помнят, что вытворяли, находясь в волчьей шкуре. Так что их сиятельство впоследствии даже не мучила бы совесть.

«Двое из ларца» на это синхронно усмехнулись. Похоже, их следовало понимать так, что никакая нечистая сила их напугать не в состоянии. Однако их парная усмешка получилась довольно жалкой. Из нашего маленького войска, вроде бы, одна я сохраняла некое подобие спокойствия, и то потому, что до конца не понимала, с чем мы имеем дело.

Впрочем, что касается Генриха, то он тоже выглядел скорее озабоченным, нежели испуганным. Но он-то отлично знал все нюансы встреч с оборотнями накануне полнолуния. Можно подумать, он вырос в сторожке какой-нибудь колдуньи, хотя на самом деле вряд ли такой вариант соответствовал действительности.

Едва мы отъехали от ворот поместья, как Генрих тут же вывел меня из задумчивости простейшим способом.

— Куда мы теперь направляемся, госпожа? — спросил он, против обыкновения почтительно.

– В сторону герцогского двора, – мрачно откликнулась я, – И самой короткой дорогой!

Сердилась я, разумеется, прежде всего на себя. Вместо того чтобы оперативно разведать обстановку, и поскорее завершить свое предприятие, я вот уже несколько дней разъезжаю по германским землям, как самая тривиальная туристка. Неудивительно, что Генрих не всегда относился ко мне, как к полноправной нанимательнице. Пиит, и тот не слишком утруждался проявлениями почтения, что же до Раупе и Краваля, то они и вовсе старательно делали вид, что их командир – Генрих, а я так, сбоку припека. Весь этот мужской шовинизм раздражал до невозможности, но возразить на него, откровенно говоря, было нечего. Оставалось уповать, что мне еще представится случай завоевать уважение своего маленького специфического коллектива.

4. Разведка боем

Дворец герцогов Рейхштадтских находился уже в поле нашего зрения, когда Генрих осторожно спросил меня, каким образом я собираюсь попасть ко двору.

– Не так это просто, госпожа, – ненавязчиво заметил он.

Я согласно кивнула и, порывшись в седельной сумке, помахала перед его носом солидным свитком.

– Спасибо, что напомнили, любезнейший. Вот наши «рекомендательные письма» от самой русской императрицы.

Ясное дело, я немного преувеличивала. Я и понятия не имела, кем на самом деле подписаны наши бумаги – в моей конторе это вообще невозможно было знать наверняка. Но одно я знала точно: грамоты исполнены безукоризненно – не подкопаешься. И если по предъявлении документов нас не примут как самых дорогих гостей – значит, нет на свете справедливости.

Генрих же в ответ уважительно кивнул, и сказал, что с бумагами от самой русской императрицы нас, может быть, даже накормят. Поистине, не было на него управы. Пришлось мне снова с умным видом промолчать.

Нас сразу же принял управляющий двора его светлости герцога Рейхштадтского. Я внутренне подобралась, приготовившись к длинной церемонии ознакомления с верительными грамотами, но была немедленно разочарована: просмотр-

рев документы, управляющий – грузный старик с физиономией страстного любителя пива – сообщил мне, что русских путешественников примут как самых дорогих гостей... И с непонятым выражением уставился на Генриха, стоящего за моей спиной. Пауза затянулась на добрых пару минут, в продолжение которых я совершенно не представляла, куда себя деть. Дипломатические таланты никогда не были моей сильной стороной: мне очень хотелось спросить, чем обусловлено такое пристальное внимание к скромной персоне моего наемника.

Наконец, я не выдержала, и задала так интересующий меня вопрос. Старик-придворный как-то неопределенно погримасничал, еще раз взгляделся в Генриха, развел руками, и... принес свои извинения. Дескать, мой спутник показался ему знакомым, уж простите старика, обознался, и все в таком же духе. Я ответила, что охотно принимаю его извинения, и на этом инцидент был исчерпан.

Нас препроводили в предназначенные нам покои. В Генрихе снова проснулся махровый бодигард, он вдумчиво осмотрел мои апартаменты, поворчал насчет того, что они слишком просторные, и слишком далеко от его комнат, и лишь затем удалился отдыхать перед вечерней аудиенцией при дворе герцога.

Пока десяток горничных колдовал над моей внешностью, я могла свободно предаваться размышлениям. До сих пор все складывалось удачно, и это меня тревожило. Професси-

ональная паранойя здесь была абсолютно ни при чем: просто слишком гладкое развитие событий не могло длиться вечно. Уж коли мне так повезло со спутниками и с некоторыми обстоятельствами, вполне могло не заладиться что-нибудь другое. Мир выглядит таким устойчивым лишь потому, что все находится в равновесии. Если в одном месте чего-то слишком много, то в другом месте этого может не хватать. Возражать против устройства мира глупо: достаточно иметь в виду его основные законы...

— Если гладко все вначале —
Не спеши на пироги,
Ибо ждут тебя печали
И стервозные враги, —

пробормотала я себе под нос, не забывая благосклонно улыбаться строящему мне прическу куаферу.

Хотя мне казалось, что до вечера еще уйма времени, именно к назначенному часу — ни минутой раньше — я была во всеоружии.

* * *

Никак не менее тысячи раз я встречала в книгах и кино сцену, где героиня спускается по лестнице в роскошном наряде, выглядит, понятно, великолепно, а снизу на нее смотрит ее верный рыцарь, и в глазах его — восхищение и лю-

бовь... Жаль, но не было во дворце никакой подходящей лестницы, я просто миновала анфиладу небольших гостиных, и передо мною распахнулись двери в главную залу, и обо мне доложили – весьма торжественно.

У самых дверей меня уже ожидала моя «гвардия», и я в самом деле заработала целый букет восхищенных мужских взглядов... От всех, но не от Генриха. Он осмотрел меня с удовлетворением папаши, дочка которого не окончательно опозорилась при первом выходе в свет. Даже кивнул пару раз, закрепляя в моем сознании свою реакцию.

Я на время потеряла дар речи от такого несусветного нахальства и едва смогла удержать на лице гримаску праздничного оживления. В качестве ответного хода я тоже окинула взглядом Генриха, примериваясь, к чему бы придраться... Сперва у меня появилось ощущение, что он даже не переоделся.

Но, приглядевшись, я поняла, что он все же сменил дорожную одежду на черный атласный костюм с серебристым жилетом и белоснежной рубашкой. Следовало признать, что выглядел он вполне элегантно. Более того, его костюм гармонировал с моим, а это уже был просто высший пилотаж. Прочие мои спутники, проникшись важностью церемонии, не только переоделись в чистое платье, но даже причесались, что само по себе требовало поощрения.

Я отвернулась от своих спутников и принялась осматривать зал, когда Генрих встал вполоборота... и по глазам мне

внезапно хлестнул голубовато-стальной блеск. Я отчаянно заморгала, пытаюсь сообразить, что такого блестящего мог напялить на себя мой наемник. Обычно он не носил никаких драгоценностей, этих побрякушек, которыми в галантный век не пренебрегали и мужчины. Ни перстня, ни цепи, ни даже нательного креста на нем я никогда не видела.

Я было решила, что он надел какой-то орден, Но, прищмотревшись, поняла, что на груди Генриха красуется обыкновенный золотой аграф. Обыкновенный да не совсем. В его центре красовался сапфир неприличной величины и поистине редкостного оттенка. Камень распространял ледяное сияние такой силы, что мне захотелось до него дотронуться. Я на мгновение прикрыла глаза, позволив себе погрузиться в придуманную ситуацию: я подхожу к нему вплотную, достаю до камня, и...

Остановило меня только одно: я никогда еще настолько не приближалась к Генриху... Возможно, незримая граница, которую он с такой старательностью устанавливал между нами, была гораздо прочнее, чем мне казалось. До сих пор она удерживала даже меня – дитя легкомысленных и здорово упрощенных времен.

Я тряхнула головой и попеняла себе за несвоевременные рассуждения. Такова уж была моя уникальная способность: в торжественные моменты мне вечно лезли в голову разные не подходящие случаю мысли. Однако сдержать свой язык я все-таки не смогла.

– Где вы позаимствовали ваше сокровище? – шепотом поинтересовалась я у Генриха.

– Семейная драгоценность, – невозмутимо отозвался он, постучав по аграфу пальцем, – И я очень не люблю шуток на эту тему.

Самое любопытное, что он, по-моему, в самом деле немного обиделся. Я недоуменно пожала плечами и приготовилась отстаивать право на обсуждение любых интересных мне предметов. Но мне помешали: толпа придворных зашелестела громче и стала выстраиваться по обе стороны от двери (нас при этом оттеснили вглубь залы, однако возражать я не решилась).

Когда двери парадной залы распахнулись, и мажордом доложил о прибытии герцога, я на время позабыла обо всем на свете. Что ни говори, а все-таки нечасто мне доводилось знакомиться с правящими особами. И герцог Рейхштадтский меня не разочаровал. Подлинное величие сквозило в каждом его движении. Такого не добьешься никаким воспитанием – как правило, это просто результат генетического отбора. Многие поколения царствующих предков, хочешь не хочешь, дают себя знать.

В нем было именно то, чего так не хватало моему самозванному сиятельству: аристократизм и равнодушие к богатству, величие и простота... Мне явно следовало понаблюдать за ним и попользоваться теми из черт его характера, что подошли бы для моего образа, до сих пор слегка незавершен-

ного.

Величие местного правителя так меня впечатлило, что мой реверанс вышел по-настоящему почтительным. В ответ я получила несколько стандартных фраз, царственный кивок и обещание побеседовать со мною «позднее». Предполагив, что «позднее» не означает «сегодня», я отправилась веселиться.

Глазея по сторонам, я упустила момент, когда на плечо стоящего рядом Генриха с размаху опустился увесистый сложенный веер. Честное слово, он походил на опахало какого-нибудь восточного владыки. За те доли секунды, что я замороженно созерцала этот чудный раритет, Генрих мгновенно развернулся, и оказался лицом к лицу с сухонькой, но необычайно живой старушкой. Старушка отступила на шаг и пренасмешливо поцокала языком.

– Какая короткая память у наших соотечественников, не так ли, малыш?

От неожиданности я громко прыснула – никогда не встречала ничего забавнее внушительного мужчины очень средних лет, которого с такой уверенностью величают «малышом». Отчего-то мне представилось, что Генриху и в детстве не слишком часто перепали подобные ласковости.

Старушеница меж тем не унималась и, не дождавшись ответа, обратилась к моей скромной особе:

– Надобно признать, на сей раз ты выбрал лучше, – оглядев меня, она лукаво подмигнула Генриху, – Должно быть,

просто потому, что намного дольше выбирал?

– О чем вы, любезная госпожа? – Генриху плохо удалась нотка безразличия, и старушка тут же это заметила.

– Вечно вы, мужчины, делаете вид, что ничего не поняли, когда вам нечего сказать... У женщин для подобных целей имеются реверансы – по крайней мере, нечто более изящное, чем ваши растерянные физиономии, – отрезал «божий одуванчик» тоном юной кокетки.

Моя улыбка сделалась неприлично широкой.

– Когда тебе нечего сказать, делай реверансы: это экономит время, – все цитаты я выбалтывала исключительно по-русски, пользуясь своей репутацией «сумасшедшей иностранки». На сей раз, однако, шутка оказалась не для одной меня.

Старушеница величаво кивнула:

– Вот именно, вы знакомы с правилами хорошего тона, моя дорогая, – и увидев выражение крайнего изумления на моем лице, снизошла до объяснений: – Не удивляйтесь, что я поняла вас – у меня было... (она слегка задумалась) несколько русских любовников. Я научилась понимать их... иногда, когда они не были слишком пьяны. Единственное, чего мне никогда не понять, так это вашей тарабарщины, как это?.. «По матушке»?

Это было последней каплей в чаше моего терпения. Я так расхохоталась, что стоящие поблизости придворные принялись рассматривать нашу группку с искренним интересом.

К сожалению, они не могли оценить по достоинству комизм ситуации, в которую я угодила. Подумать только, вот оно, мое везение: впервые в жизни попасть в высшие придворные круги, и веселиться так, как мне редко удавалось и в компании очень близких друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.